

18+

Э. П. А. Гофман

Рыцарь Тлюк

Дон Муан

Эрнст Теодор Амадей Гофман Рыцарь Глюк. Дон Жуан

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63177333

ISBN 9785005176967

Аннотация

Рассказы из цикла «Фантазии в манере Калло» представляют блестящий литературный дебют композитора Э. Т. А. Гофмана. В новелле «Рыцарь Глюк» сопереживание и внутреннее единство рассказчика и главного героя таково, что возникает мысль о возвращении в реальный мир давно умершего гения музыки. В «Дон Жуане» мы видим трактовку «вечного образа» обольстителя как титанической личности, которая сродни Фаусту. Донна Анна противопоставлена ему как воплощение красоты и вечно недостижимого идеала.

Содержание

Рыцарь Глюк

5

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Рыцарь Глюк. Дон Жуан

Э. Т. А. Гофман

Татьяна Юрьевна Ирмияева *Переводчик*

© Э. Т. А. Гофман, 2020

© Татьяна Юрьевна Ирмияева, перевод, 2020

ISBN 978-5-0051-7696-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рыцарь Глюк

Воспоминание из 1809 года ¹

Обычно поздней осенью в Берлине еще бывает несколько прекрасных дней. Ласковое солнце выступает из облаков, и вмиг испаряется сырость из чуть прогретого воздуха, ветерком обдувающего улицы. Тогда видишь, как по Унтер-ден-Линден движется к Тиргартену длинная пестрая вереница – щеголи, буржуа с женами и дорогими малютками в воскресных платьях, священники, еврейки, судейские стажеры, кокотки, профессора, модистки, офицеры и так далее, все попеременно. Скоро все места «У Клауса и Вебера» заняты, дымится морковный кофе, франты закуривают сигары, говорят, спорят о войне и мире, о ботинках мадам Бетман – были они серые или зеленые, о закрытом торговом государстве и скудных доходах и тому подобном, пока все не перекрывает ария из «Капюшона», которой терзают себя и слушателей расстроенная арфа, пара вовсе не настроенных скрипок, чахоточная флейта и судорожный фагот. У самой балюстрады, отделяющей владения Вебера от мостовой, стоят несколько круглых столиков и плетеных стульев; здесь, вдали от какофонии проклятого оркестра, где дышится сво-

---

¹ Рассказ отсылает к творчеству Кристофа Виллибальда фон Глюка (1714—1787), австрийского композитора, реформатора немецкой оперы.

бодней и видны входящие и выходящие, я сидел, предавшись легкой игре воображения, приводящего ко мне дружеские образы, с которыми я беседую о науке, искусстве, о том, что человеку должно быть дороже всего. Час от часу толпа фланкирующих становится пестрее и гуще, но меня ничто не беспокоит, ничто не может спугнуть мое воображаемое общество. Из мира грез меня вырывает лишь несносное трио, исполняющее какой-то чудовищный вальс. Я слышу только визгливый голос скрипки и флейты и надтреснутый бас фагота; разрывая слух, они идут вверх и вниз, упорно держась разных октав, и я невольно, как всякий, охваченный нестерпимой болью, восклицаю: ^{2 3 4 5}

– Какая сумасшедшая музыка! Гнусные октавы!

Рядом со мной кто-то пробормотал:

– Проклятая судьба! Опять ненавистник октав!

Я поднимаю глаза и впервые обнаруживаю, что за моим столиком незаметно занял место господин, твердый взгляд которого устремлен прямо на меня так, что я не в силах от него уклониться.

Никогда не видел я лица и фигуры, которые произвели бы на меня столь мгновенное и столь глубокое впечатление.

---

² Палаточное кафе в Тиргартене, названное по именам владельцев.

³ Фридерика Бетман (1760—1815) – знаменитая берлинская актриса.

⁴ Сочинение И. Фихте «Закрытое торговое государство» породило в обществе споры и обсуждения.

⁵ «Капошон, или Девушка с шарманкой» – опера Ф. Гиммеля по произведению Коцебу.

С легкой горбинкой нос, широкий открытый лоб с выпуклыми надбровными дугами, кустистые седеющие брови, глаза, сверкающие почти юношеским яростным огнем (на вид господину могло быть больше пятидесяти). Мягко очерченный подбородок составлял странный контраст с плотно сжатыми губами, а насмешливая улыбка, прорывающаяся сквозь диковинную игру мускулов на впалых щеках, находилась в противоречии с глубокой меланхолической серьезностью, которой отмечен лоб. Редкие вьющиеся седые волосы виднелись из-за больших оттопыренных ушей. Просторный, сшитый по последней моде сюртук облегал крупную сухощавую фигуру. Как только я взглянул на господина, тот опустил глаза и продолжил занятие, от которого его, по всей видимости, отвлекло мое восклицание: он с явным удовольствием высыпал табак из разных маленьких пакетиков в одну большую трубку, стоящую перед ним, и увлажнял его вином из бутылки. Музыка прекратилась, и я почувствовал необходимость обратиться к нему.

– Хорошо, что наступила тишина, – сказал я, – это было действительно невыносимо.

Старик коротко взглянул на меня и высыпал последний пакетик.

– Было бы еще лучше, если бы они не играли вовсе, – добавил я. – Вы не согласны со мной?

– Не могу судить, – сказал он, – вы музыкант и профессиональный критик...

– Вы ошибаетесь, я ни то, ни другое. Когда-то я обучался игре на фортепиано и генерал-басе как предметам, принадлежащим к хорошему воспитанию, и тогда среди прочего мне сказали, что нет ничего более противного, чем бас и высокие ноты, идущие в октаву.

– Правда? – бросил он, встал и размеренным шагом направился к музыкантам, при этом часто поднимая глаза к небу и похлопывая себя ладонью по лбу, словно желая пробудить какое-то воспоминание. Я смотрел, как он говорит с музыкантами, о чем-то распоряжаясь со знанием дела и чувством собственного достоинства. Он вернулся, и как только сел, – заиграли увертюру к «Ифигении в Авлиде». ⁶

Прикрыв глаза, положив руки со скрещенными пальцами на стол, он слушал анданте; его левая нога слегка двигалась, обозначая вступление голоса; вдруг он поднял голову... глянул вокруг... левая рука с широко расставленными пальцами застыла на столе, словно взяв аккорд на фортепиано, правая рука поднята вверх: это был дирижер, указывающий оркестру начало другого темпа; правая рука упала, и аллегро началось!.. Румянец выступил на бледных щеках, брови сдвинулись, обозначив морщины на переносице, внутренний огонь воспламенил взгляд творческим огнем, от которого постепенно растаяла улыбка на полураскрытых губах. Вот он откинулся назад, морщины разгладились, лицу вернулась живость, глаза блестят, глубокое внутреннее страдание

---

⁶ Опера К. Глюка.

сменилось переживанием прекрасного, заставляющим трепетать каждую жилку... грудь вздымается, на лбу выступили капельки пота; он указывает оркестру общее вступление и другие важнейшие места; правая рука не переставая отбивает такт, а левой он достает носовой платок и вытирает лицо... Так расцвел он красками и одел плотью каркас из двух скрипок, игравших увертюру. Я услышал нежную мелодичную жалобу флейты после того, как стихла буря скрипок и контрабасов и прекратился гром литавр; услышал тихие звуки виолончели, фагота, наполняющие сердце невыразимой грустью; вновь оркестр грянул в унисон, словно исполин, величественно шествующий вперед; глухая жалоба замерла под его сокрушительными шагами...

Увертюра закончилась; господин опустил руки и сидел с закрытыми глазами, совершенно обессиленный после нечеловеческого напряжения. Бутылка перед ним была пуста, я наполнил его стакан бургундским, которое до этого велел подать. Он глубоко вздохнул, словно пробужденный от грез. Я предложил ему выпить; он принял это без церемоний и прежде чем залпом осушить полный стакан, воскликнул:

- Я доволен исполнением! Оркестр держался молодцом!
- И все-таки, – заговорил я, – дано лишь слабое представление о живых красках исполняемого шедевра.
- Правильно ли я понял, – вы не берлинец!
- Совершенно верно, я останавливаюсь здесь лишь на вре-

мя.

– Славное бургундское, однако становится прохладно.

– Так перейдемте внутрь и там допьем бутылку.

– Хорошее предложение. Я вас не знаю, но и вы ничего не знаете обо мне. Мы не хотим задаваться вопросом об именах: порой это утомляет. Я пью бургундское, которое мне ничего не стоит, мы чувствуем себя хорошо рядом друг с другом, и этого достаточно.

Он сказал это с добродушной искренностью. Мы вошли в комнату; когда он сел, сюртук распахнулся, и я с удивлением заметил под ним длиннополый вышитый жилет, черные бархатные панталоны и маленькую серебряную шпагу. Он тщательно застегнул сюртук.

– Почему вы спросили меня, не берлинец ли я? – начал я.

– Потому что в этом случае я был бы вынужден вас покинуть.

– Звучит загадочно.

– Ни в малейшей степени, как только я вам скажу, что я... ну, что я композитор.

– По-прежнему не могу вас понять.

– В таком случае простите меня за восклицание, так как я вижу, что вы совсем не понимаете Берлина и берлинцев.

Он встал и несколько раз энергично прошелся по комнате, затем подошел к окну и едва слышно напел мелодию из хора жриц в «Ифигении в Тавриде», время от времени отмечая вступление оркестра постукиванием пальцами по оконному

стеклу. С изумлением я заметил, что он позволяет себе некоторые собственные мелодические обороты, поражающие силой и новизной. Я предоставил ему свободу действий. Он закончил и вернулся к своему месту. Потрясенный странным поведением господина и фантастическим проявлением редкого музыкального таланта, я молчал. Через некоторое время он заговорил:

– Вы никогда не сочиняли музыку?

– Нет. Я пробовал себя в искусстве, только все написанное мной в минуту вдохновения я потом находил тусклым и скучным. Я оставил это.

– Вы поступили неправильно, поскольку то, что вы забросили свои попытки, является признаком вашего таланта. Дети учатся музыке, потому что мамы и папы так хотят. Теперь стремятся прежде всего научить брэнчать на фортепиано и пикиать на скрипке и не замечают главного: восприимчивости к мелодии. Может быть, это полузабытая тема песенки, которую теперь поют по-другому, первая собственная тема, и этот зародыш, с трудом пробивающийся среди чуждых сил, становится исполином, сжигающим все вокруг себя, и входит в плоть и кровь!.. Ах, если бы можно было выразить то множество идей и образов, которые приходят к сочинителю!.. Это был бы широкий тракт, на котором все спешат, ликуют и кричат: «Мы посвященные!.. Мы у цели!..» В царство грез входят через ворота из слоновой кости, немногие видят их лишь раз, еще меньше – проходят в них!.. Обыва-

телю оно покажется странным. Фантастические образы возникают повсюду, но у них у всех в той или иной мере выдающийся характер. На широком тракте таких не встретишь – только за воротами из слоновой кости. Тяжело уйти из этого царства; как перед замком Эльсинор путь преграждают чудовища... они носятся вихрем... кружатся... многие отдаются мечте в царстве грез... сливаются с ней... они больше не существа из плоти и крови, и даже более того – от них идут лучи, пронизывающие царство; лишь немногие могут очнуться от сна, подняться и пройти через царство грез... они приближаются к истине... величайший момент здесь: прикосновение к вечному, невыразимому!.. Солнечный свет льется, словно трезвучие, порождающее аккорды, вспыхивающие подобно звездам и опутывающие вас огненными нитями... вы в коконе из огня, пока душа не взлетит к солнцу...⁷

С последними словами он вскочил, обратив глаза и руки к небу, потом сел и залпом осушил свой вновь наполненный стакан. Наступила тишина, которую я не хотел нарушать, чтобы не потревожить экстраординарного господина. Наконец, успокоившись, он продолжал:

– Когда я был в царстве грез, меня пытали тысячи страхов и страданий! Была ночь, и меня ужасали скалящиеся маски и чудовища, которые набрасывались на меня, и я то низвергался в пучину моря, то взмывал к небесам. Вдруг ночь пронзили лучи света, и это были прелестной прозрачности зву-

---

⁷ Аллюзия на поэму Л. Ариосто «Неистовый Роланд».

ки, которые окружили меня... я пробудился от своих страданий и увидел огромный светлый взор, устремленный на орган: послушные взору звуки поднимались вверх и сверкали и сплетались в великолепные аккорды, о которых я никогда прежде и думать не мог. Мелодии устремлялись вверх и вниз, и я плыл в этом потоке и хотел в нем утонуть; тут взор обратился на меня и вознес над бурными волнами... Вернулась ночь, и два гиганта в сверкающих латах – основной тон и квинта – сокрушили меня! Они завладели мной, а взор смеялся: «Я знаю, что твоя грудь полна тоской; после гигантов вступит нежная, мягкая терция, ты услышишь ее сладкий голос, вновь увидишь меня, и моя мелодия станет твоей».

Он умолк.

– И вы увидели взор снова?

– Да, я снова увидел его!.. В течение года я томился в царстве грез... там... да, там! Я сидел в прекрасной долине и слушал, как цветы поют друг другу. Только подсолнух молчал и печально склонил свой закрытый бутон. Невидимые узы связывали нас... он распрямился... лепестки раскрылись, и из подсолнуха глянул на меня лучистый взор. Теперь звуки были словно лучи света, идущие из моей головы к цветку, который жадно вбирал их. Все огромное становились лепестки подсолнуха... из них вырывались потоки зноя... они струились вокруг меня... взор исчез, а я – в сердцевине цветка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.